

Анатолий Сульянов Берия. Арестовать в Кремле

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8485841
Берия. Арестовать в кремле: [роман]: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-080222-7*

Аннотация

Эта книга посвящена трагическому периоду в нашей истории, жизни и деятельности печальной памяти Лаврентия Берия, судьбам многих выдающихся деятелей страны, незаслуженно рано ушедших из жизни.

Автор является активным сторонником правдивого отображения исторических событий и использовал в книге редкие и ранее не публиковавшиеся архивные материалы.

Содержание

От автора	4
1	5
2	7
3	10
4	13
5	15
6	19
7	28
8	39
9	42
10	45
11	51
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Анатолий Сульянов

Берия. Арестовать в Кремле

От автора

Первым после гибели отца на войне потрясением для меня, молодого летчика, было закрытое «Письмо» о злодеяниях и антисоветской деятельности Берия и его окружения. Сообщение настолько потрясло нас, что какое-то время мы с трудом верили всему тому, что довелось услышать: о пытках и зверствах над честными людьми нашего Отечества, о массовом уничтожении преданнейших народу руководителей, военачальников, крестьян, рабочих, интеллигенции. Как же все это могло случиться? Кто виноват? В те годы ответов мы так и не услышали... Последующие годы я настойчиво искал все, что было связано с «делом Берия».

Не претендуя на абсолютную достоверность всего нижеизложенного – это дело историков, я обобщил все, что довелось услышать из уст тех, кто был репрессирован в годы сталинско-бериевского правления, кто принимал непосредственное участие в аресте Берия, – Маршала Советского Союза Павла Федоровича Батицкого, генерала Ивана Григорьевича Зуба, Маршала Советского Союза Кирилла Семеновича Москаленко и еще одного человека – авторитетного, страдавшего в лагерях Берия в послевоенные годы, всю войну прослужившего членом военных советов Московского округа, Донского, Центрального, Белорусского, 1-го Белорусского фронтов, значительно обогатившего мои представления о войне, военачальниках в отчаянно-тяжелой обстановке осенью сорок первого года, – генерал-лейтенанта Константина Федоровича Телегина.

После долгих согласований с различными ведомствами я не без волнения взял в руки хранящиеся в архивах тома знаменитого «дела Берия»... Прочитаны тысячи страниц документов, показаний, допросов.

Весьма признателен за внимание и помощь в работе над книгой Василию Быкову, Михаилу Савицкому, профессору генерал-полковнику Волкогонову Д. А., генерал-лейтенанту юстиции Катусеву А. Ф., генерал-майору юстиции Борискину А. Е., генерал-майору юстиции Глюкову А. К., полковнику Анисимову Н. Л., бывшему председателю Совнаркома Белоруссии Ковалеву А. Ф., писателям Ивану Стаднюку, Аркадию Ваксбергу и всем, кто советом и поддержкой сделал возможным появление на свет этой повести.

Я стремился следовать старой истине документальной прозы: как можно меньше домысла и авторских фантазий, как можно ближе к свидетельствам людей, к фактологии. Исследуя мотивы поведения людей, я много раз ставил себя в положение героя или искал эти мотивы среди услышанных мной рассказов очевидцев событий.

Если кто-то из читателей обнаружит неточность, то я заранее приношу извинения, ибо я не располагал в достаточной степени архивными и другими документами. Почту за честь получить от вас замечания, предложения и дополнения, которые помогут мне в дальнейшей работе над книгой.

1

После ухода с поста председателя Реввоенсовета Троцкого на его место был назначен Михаил Васильевич Фрунзе, работавший до этого зампредвоенсовета – начальником штаба РККА. Фрунзе пользовался непререкаемым авторитетом в военном деле среди личного состава армии, а также у партийного и советского руководства страны. Его хорошо знали в Средней Азии, где он командовал армией и фронтом, проводил вместе с местными организациями и деятелями огромную работу по становлению советской власти в Туркестанском крае. Знали его и на Украине, где Фрунзе после освобождения Крыма командовал вооруженными силами Украины, был членом Политбюро Компартии, зампредсовнаркома Украины.

Фрунзе в свое время учился в Петербургском политехническом институте, много читал книг по истории, военным сражениям, о полководцах древности и последних столетий. Пятилетняя ссылка позволила ему заняться углубленным изучением основ военного дела, прочитать сочинения великих полководцев. По своему общему и военному интеллекту Фрунзе стоял на порядок выше наиболее известных в те времена военных руководителей Ворошилова и Буденного, отличаясь от них прежде всего глубоким аналитическим мышлением, широким общественно-политическим кругозором, умением руководить объединениями войск в сложной обстановке сражений и боев.

Знали Фрунзе (Михайлова) и в Белоруссии. Михаил Васильевич в 1916 году служил в артиллерийском полку в Ивенце, был избран в комитет Всероссийского земского союза на Западном фронте, создал в Минске подпольную организацию большевиков с отделениями в частях 3-й и 10-й армий. После революции в феврале 1917 года Фрунзе участвует в создании Минского Совета, входит в состав исполкома. Обстановка требовала укрепления дисциплины, усиления борьбы с бандами, ворами, грабителями, и Фрунзе становится во главе Минской милиции, а затем – председателем исполкома Совета крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний, редактором «Крестьянской газеты» и «Звезды».

Разумеется, Сталин в то время не мог воспрепятствовать назначению Фрунзе председателем Реввоенсовета республики – наркомвоенмором, ибо руководящая верхушка партии видела во Фрунзе настоящего военного и политического руководителя, выросшего среди народа, в боях и сражениях, хорошо зарекомендовавшего себя на различных должностях в разных районах республики.

С первых дней работы на новой должности Фрунзе проявил себя не только прекрасным практиком, но и не менее прекрасным теоретиком. Фрунзе в то время сосредоточил усилия Реввоенсовета на военной реформе, предусматривавшей сокращение армии в условиях мирного времени. Комиссия во главе с Фрунзе решительно встала на путь создания небольшой кадровой армии, способной в случае войны в сжатые сроки от мобилизовать, поставить под ружье новые контингенты бойцов и командиров. По предложению Фрунзе вместо краткосрочной курсовой подготовки была создана система 3–4-годичных военных школ, военных академий. Созданная Фрунзе структура РККА просуществовала до 1939 года.

В те годы Фрунзе были написаны глубокие исследования по самым различным аспектам военного дела, воспитанию личного состава РККА, разработаны основополагающие документы тактики, оперативного искусства и стратегии ведения современных войн.

Михаил Васильевич страдал застарелой болезнью, «нажитой» в тюрьмах и ссылке, – язвой желудка. Неожиданно ему предложили делать операцию по удалению язвы. Фрунзе не хотел вмешательства хирурга в ход лечения болезни, ссылаясь на неиспользованные, по его мнению, возможности медикаментозного лечения.

За несколько дней до операции Михаил Васильевич сообщал жене: «...Я сейчас чувствую себя абсолютно здоровым и даже смешно не только идти, а и думать об операции». Вопреки мнению Фрунзе, консилиум врачей решил все-таки прибегнуть к операции. Не обошлось здесь и без решения Политбюро – на заседании Сталин и Ворошилов, «заботясь» о здоровье предреввоенсовета, настоятельно рекомендовали хирургическое вмешательство, словно они всю жизнь занимались врачеванием и имели медицинское образование. Подобное «подавливание» не могло не сыграть решающего влияния на принятие решения последней инстанцией. Несколько позже стало известно, что перед операцией Фрунзе хирурга В. Розанова приглашал на беседу Сталин...

Один из личных друзей Фрунзе – И. Гамбург рассказал впоследствии о том, что незадолго до операции он зашел к нему повидаться. «Больной» был расстроен и сказал, что не хотел бы ложиться на операционный стол. Предчувствие какого-то неблагоприятного исхода, чего-то непоправимого угнетало его. Я убеждал Михаила Васильевича отказаться от операции, но он отрицательно покачал головой: «Сталин настаивает на операции»...

Фрунзе долго не «засыпал» под воздействием наркоза, хлороформ не подавлял нервные центры крепкого организма. Тогда профессор Розанов принял решение увеличить дозу хлороформа вдвое...

После вскрытия брюшной полости и осмотра жизненно важных органов хирурги удивленно посмотрели друг на друга – предполагаемой язвы желудка не было... Один из них заметил небольшой рубец на двенадцатиперстной кишке – след давно зажившей язвы.

Все было зашито, убран инструментарий, а больной не «просыпался», постепенно наводя страх на хирургов. За дело взялись терапевты – начало сдавать сердце. Оно и понятно – увеличение нормы хлороформа вдвое резко повысило нагрузку на сердце. Любая медицинская сестра знает, что хлороформ является весьма токсичным и сильнодействующим средством, вызывающим и нарушение ритма сердечных ударов, и дистрофическое ослабление мышцы сердца, и даже цирроз печени.

Операция не относилась к разряду особо сложных, удаление язвы желудка под силу даже провинциальному врачу, но для Фрунзе она стала роковой... Его едва разбудили после операции – двойная доза хлороформа давала о себе знать. После долгих и настойчивых мер Фрунзе проснулся, чтобы умереть через тридцать часов... Остановилось обессиленное наркотом сердце...

В некрологе указывалось: «30 октября от паралича сердца умер председатель Реввоенсовета СССР Михаил Васильевич Фрунзе». Диагноз «паралич сердца», видимо, понравился Сталину – с тех пор уходящие не по воле Всевышнего на тот свет крепкие, молодые люди имели один и тот же диагноз: «паралич сердца»...

После смерти Фрунзе народный комиссар здравоохранения Семашко указал на некомпетентность деятелей лечкомиссии ЦК, ошибочность консилиума при определении болезни Фрунзе. Вызывало удивление и то, что решение на операцию принималось не в наркомате здравоохранения...

О Сталине на Западе издано большое количество книг, еще больше о годах и обстоятельствах его правления. Не все, что было написано, отвечает законам объективности, но многое из изданного основано на документах, рассказах свидетелей событий тех лет. Часть авторов утверждали, что смерть Фрунзе явилась «политической акцией устранения»...

На освободившуюся в связи со смертью Фрунзе должность предреввоенсовета СССР был назначен К. Ворошилов, который не обладал ни должным интеллектом, ни общественно-политическим кругозором, ни военным опытом, но он был очень послушным и исполнительным, а такие руководители нравились Сталину...

2

Берия всю жизнь боялся Сталина. Боязнь эта началась давно, после того как Берия, став агентом контрразведки буржуазно-националистической организации «Мусават» в Азербайджане, после ее разгрома переметнулся к большевикам.

Его арестовали за связь с «Мусаватом» и службу белым, за предательство красных. Много дней Берия сидел в одиночной камере в ожидании приговора. В то время в Закавказье и Астраханском крае руководил парторганизациями и представлял советскую власть С. М. Киров. После доклада о поимке группы мусаватистов, отличавшихся особой жестокостью, Сергей Миронович подписал телеграмму о расстреле мусаватистов, Берия был в их числе. Пока телеграмма шла, обстановка круто изменилась – начался очередной мятеж. Берия не успели расстрелять, и провокатор оказался на воле, решив служить большевикам. О телеграмме знали многие закавказские большевики...

Сталин мог знать об этом, и потому Берия из кожи лез, чтобы выслужиться перед генсеком. Он постоянно искал повода выказать свою рабскую преданность «вождю всех народов». И когда генсек после осмотра его крупнейшим специалистом Владимиром Бехтеревым, установившим сильное истощение нервной системы и развитие на этой почве параноидального синдрома, решил убрать Бехтерева как врача-свидетеля, в Москве появился Берия с красивым, интеллигентного вида кавказцем. Оба побывали на московской квартире семидесятилетнего ученого, узнали о предполагаемом посещении Бехтеревым МХАТа. В перерыве спектакля ученый был приглашен в буфет его новыми знакомыми, где они устроили чаепитие с пирожными и бутербродами. Ночью Бехтерев почувствовал себя плохо. Прибывшие врачи констатировали сильное пищевое отравление. Через несколько часов ученый, не приходя в себя, скончался. Результаты вскрытия тут же исчезли...

Вскоре после этого у Берия рождается новый замысел.

Узнав, что Сталин собирается провести отпуск на озере Рица, Берия засел за план оперативного обеспечения отдыха генсека...

Много веков назад после сильного землетрясения и невиданной подвижки гор огромные скалы перегородили непокорную, стремительную горную реку, образовав из самых твердых горных пород прочную нерукотворную плотину. Ударилась река водяной грудью о гранит, вспенилась, недовольно забурилась, отошла назад и, набравшись сил, с оглушающим шумом ринулась на камни, зло вздыбив крутую спину волны... Много дней и ночей река билась о скалы, оглушая притихшие горы ревом и грохотом, взывая о помощи, плача и рыдая от своего бессилия... Дикие звери молча смотрели на вспенившуюся измученную реку, которая поила их чистой ключевой водой, тяжело вздыхали – чем они могли помочь...

Шло время. Утихла когда-то шумная неукротимая река, смиренно растекаясь по заросшим буйной зеленью берегам, улеглась в новое ложе, нежась в теплых лучах солнца, поднимаясь все выше и выше, к снежным вершинам заросших дубом и буком гор. И превратилась река в красивое горное озеро с чистой прозрачной водой, да такой, что с любой высоты видны и усыпанное камнями дно, и рыскающие в присиненной толще воды рыбки, и лежащие на камнях ракушки. В зеркале воды любовались собой и вечнозеленые лавры, и мощные дубы, и красавицы магнолии, и серебристые, покрытые льдом вершины гор, и парящие в небе горные орлы. Услышал о необычном озере Человек, долго поднимался в горы и, когда увидел на огромной высоте Чудо Природы, был ослеплен красотой озера и назвал его горным алмазом.

С тех давних пор и живет это чудо-озеро высоко в горах, где воздух напоен ароматом горных лесов и альпийских лугов, где лучи солнца никогда не обжигают кожи, где даже в

самую жару всегда прохладно. Никто из людей не приносил сюда топор, оттого-то веками росли здесь вечнозеленые деревья, могучими ветвями опираясь друг на друга, словно подерживая и защищая от редкого здесь холодного северного ветра.

Но меняются времена, а с ними меняются и люди. Стараясь угодить чиновнику, другой чиновник привел сюда людей с топорами и пилами, махнул рукой, и повалились, кивая кроной, словно прощаясь с озером, могучие грабы, столетние дубы, красавицы магнолии... На их месте люди поставили дом о пяти стенах, устлали дубовый пол коврами да шкурами зверей, раскинули скатерть-самобранку с яствами, вином и закусками, напустили в дом молодых красивых женщин, умеющих петь и танцевать, улыбаться и любить...

В те годы фактическим руководителем ОГПУ был Генрих Ягода (председатель ОГПУ В. Менжинский страдал от тяжелой болезни, часто оставался на больничной койке). Хитрый Ягода знал о близких отношениях Сталина и Берия, усердствовал в поддержании тесной взаимности со своим подчиненным, всячески угождал Берия при появлении его в Москве. Разумеется, Ягода знал о похождениях и махинациях своего сослуживца в двадцатые годы, но всячески скрывал свою информированность, делая вид, что он доверяет Берия, всецело полагается и на его огромный опыт, и на его преданность общему делу. По указанию Ягоды все материалы о «делах минувших» биографического прошлого Берия были надежно упрятаны в сейфы одного из городов юга страны. Докладывая шефу ОГПУ Менжинскому о текущих делах, Ягода не раз и не два расхваливал работу ГПУ Закавказья, возносил до небес личный вклад его руководителя, щедро преувеличивая заслуги Берия в искоренении «контрреволюционного отребья в Закавказье». Усилия Ягоды достигали цели.

30 марта 1931 года председатель ОГПУ издал приказ № 154/93. «21 марта исполнилось 10 лет существования и героической борьбы органов ГПУ Грузии. Созданные в момент тяжелого внутреннего положения, при наличии в республике мощного антисоветского движения, контрреволюционных партий и сильно развитого политического и уголовного бандитизма – органы ГПУ Грузии, при поддержке пролетариата, а потом и широких масс крестьянства и под руководством Коммунистической партии, ее Центрального Комитета и ОГПУ – с честью выполнили задачи борьбы с контрреволюцией. Трудна была работа ГПУ Грузии, много славных бойцов выбыло из строя, но и достижения огромны: разгромлена меньшевистская партия Грузии, одна из наиболее мощных и организованных антисоветских партий в СССР, изъяты десятки составов ее ЦК, сотни местных комитетов, тысячи членов актива... Также разгромлены и сведены на нет крупные в свое время антисоветские буржуазные партии национал-демократов и социал-федералистов.

Во всех случаях, когда в республике создавалась напряженная обстановка, когда антисоветские силы, подстрекаемые заграничными империалистами, делали отчаянные попытки захватить власть, органы ГПУ Грузии неизменно были на высоте положения...

Коллегия ОГПУ с особым удовлетворением отмечает, что вся эта огромная напряженная работа в основном проделана своими национальными кадрами, выращенными, воспитанными и закаленными в борьбе с врагами под бессменным руководством товарища Берия...»

Высокая оценка деятельности ГПУ Грузии, лично Берия коллегией ОГПУ сыграла поворотную роль в судьбе руководителя грузинской организации ГПУ, подняла престиж и авторитет Берия, помогла ему расправиться с негодными людьми, приблизила к нему подхалимов и льстецов. Вокруг лидера ГПУ Грузии укрепляют свои позиции его приближенные, его опора и костяк управления. За короткое время выросли по службе те, кто «верой и правдой» безропотно исполнял все указания шефа: В. Деканозов, С. Гоглидзе, Б. Кобулов, В. Меркулов, Л. Цанава – многократно поощряемые Берия, награжденные Москвой орденами и медалями за «мужество и храбрость в борьбе с контрреволюционными элементами».

Случилось так, что однажды представление на награждение орденом С. Гоглидзе не прошло все инстанции, затерялось в многочисленных кабинетах всемогущего ОГПУ. Берия звонит Ягоде. В тот же день в ГПУ Грузии пришла телеграмма: «Тифлис. Гоглидзе. Горячо поздравляю с получением Вами высшей боевой награды ордена Красного Знамени. Крепко целую. Ваш Ягода».

Ягода предусмотрительно, с дальним прицелом поддерживал тесные отношения и с Берия, и с его окружением. Каждый мог пригодиться...

Да и сам Берия старался угодить московскому шефу, льстил ему. В письмах, при разговорах по телефону Берия называл Ягоду на «ты», обращался к нему не иначе как «дорогой Генрих!».

Чувствуя поддержку Москвы, Берия все больше распоясывался, вел себя развязно, часто не считаясь с мнением партаппарата. Если же над головой Берия сгущались тучи, Ягода и его окружение тут же брали под защиту своего коллегу, всячески превознося его заслуги. Летом 1925 года в авиационной катастрофе погибли видные деятели Закавказья: А. Мясников – 1-й секретарь Закавказского крайкома ВКП(б), Г. Атарбеков и С. Могилевский – руководители ГПУ Закавказья. Чтобы скрыть следы преступления, Берия, не без поддержки центра, сам вел следствие, не доверяя никому ни допросов подозреваемых, ни заслушивания технических экспертов. Даже неспециалистам было ясно, что катастрофа – тщательно организованная диверсия. Самолет упал сразу после взлета, загоревшись в воздухе, скорее всего по причине надрезанного бензопровода. С пути были убраны виднейшие, наиболее талантливые руководители Закавказья. Немногие знали, что погибший в катастрофе Г. Атарбеков был сподвижником С. М. Кирова в Астрахани и Баку, и он, работая в ЧК Азербайджана в 1919–1920 годах, разумеется, знал о прошлом Лаврентия Берия...

Услужливое отношение Ягоды к Берия – это не что иное, как попытка Ягоды иметь надежное прикрытие со стороны Сталина. Но как только над Ягодой разразилась гроза, Берия и пальцем не пошевелил, чтобы спасти своего патрона. Более того, Берия форсировал события – на его пути стоял тот, кто знал о прошлом Лаврентия Павловича, о его службе в мусаватистской разведке. Такой человек мог навредить, и Ягода был упрятан в подвалы Лубянки...

3

«Хозяин иногда посвящал меня в свои дела – должен его адъютант и секретарь знать его планы, чтобы предусмотреть меры предосторожности, обезопасить его от врагов, а их, врагов народа, кишмя кишело вокруг. Шеф как-то сказал: «Довериться некому: тот двурушник, тот в прошлом с троцкистом в дружбе состоял, а этот – не знаешь, кому служит». Я в тот год был рядовым охраны, да и лет-то мне было чуть больше двадцати. Правда, ростом был выше других, да и силой природа-мать не обидела – мешок груш поднимал одной рукой... Однажды пришли с шефом и следователем в камеру, было это, если память не изменяет, в тридцать восьмом, – военный следствию показания давать отказывался. Зашли, смотрю – в углу стоит вояка в гимнастерке со следами от трех ромбов на петлицах – по-нынешнему генерал-лейтенант, высокий, глаза сверкают, кулаки сжаты, лицо в ссадинах. Шеф к нему: «Чего вы упрямитесь? Все ваши уже дали показания. Вы же с Тухачевским в Германию ездили? Ездили. Там вас и завербовали. Подпишите показания, и делу конец». «Почему бьют, товарищ секретарь?» – прохрипел комкор. «Бьют не по своей воле – дайте показания на Рокоссовского и на вашего командующего округом». «Никаких показаний давать не буду! В Германии действительно был с Тухачевским, но никто и никогда не вербовал меня. Это же, – комкор показал на лежащие на столе листы бумаги, – ложь! Он же все выдумал!» И кинулся комкор на следователя. Тут я вступился. Пришлось одним ударом свалить на пол не в меру горячего комкора. Была силушка, была...

Да, так вот, той осенью тридцать первого шеф был чересчур беспокойным, ждал кого-то, суетился, на столе – схемы горных дорог, пастушьих троп, горных селений. Трижды с ним в горы поднимались: к озеру шли то по дороге, то по тропам. Это сейчас я такой предусмотрительный – людям не верю, а тогда я всем доверял, каждому слову внимал. Горы я любил. Стою в охране, а сам вершинами люблюсь. Знаете, какие красивые вершины на закате солнца! Золотом они усыпаны, солнечным теплом душу греют. Глаз не оторвешь!

А какая там тишина! Орел в небе, а на земле слышно, как шуршат перья его крыльев. Стою, люблюсь, значит, орлом, заходом солнца, горными вершинами, и вдруг чья-то рука на мое плечо: «Что вы там, товарищ Гваришвили, увидели?» Голос хозяина! Резко поворачиваюсь – знакомое пенсне. «Тишиной и закатом люблюсь, товарищ начальник ГПУ», – отвечаю. «Нашли чем заниматься! Ваше дело другое – все видеть сквозь камень, сквозь деревья! Ежесекундно искать глазами врага – вот главная задача, товарищ Гваришвили». «Слушаюсь», – отвечаю.

Стал замечать, что хозяин ко мне присматривается, разговоры часто заводит, выспрашивает о людях охраны, о ее начальнике. Ну, думаю, в чем-то ошибся. Страшно стало – вспомнился Цулукидзе. Тоже из охраны. Что-то кому-то сказал – донесли. Исчез Цулукидзе, как в воду канул. Его мать долго письма писала, спрашивала о сыне...

Чем же, думаю, не услужил хозяину? Ни с кем никогда ни слова – рот на замке, как требовал начальник ГПУ. Сон потерял, аппетит пропал. Наган из брюк не вынимаю на всякий случай.

Снова поездка в горы. На этот раз в расположенные неподалеку села. Зашли в сельсовет. Стою у двери, как определено. Начальник ГПУ с председателем о кулаках и раскулаченных. «Нет их у нас – вывезли всех до единого, истребили как класс». Вот, думаю, шпарит председатель без шпаргалки...

«Вот наши активисты-бедняки, как приказано было, собрали для беседы». Смотрю, запоминаю, как учили нас старые чекисты: «Вы должны все детали запоминать». Рядом сидит мужичонка, одет просто, в безрукавке, на левой руке двух пальцев нет, на подбородке

шрам. Чуть дальше к столу сидел худой, с длинной шеей горец с большими залысинами и широкими усами. И еще двое. Всех запомнил на всякий случай...

Потом хозяин приказал нам осмотреть несколько домов на предмет наличия нарезного оружия. Мы ушли, а он остался в сельсовете.

На обратном пути начальник приказал ехать с ним в одной машине. У озера долго ходили по тропам, место выбирали. Мне достался участок берега напротив дачи. Осмотрели весь сектор. «Вот тут твое место – самое важное направление. Такое тебе доверие». «Что я должен делать?» – спрашиваю. «Потом узнаешь. Все расскажу. Обстановка очень сложная. В горах много плохих людей – ушли из деревень. Кулацкий саботаж! В колхозы идти не хотят. Убивают ответственных. Нападают на райкомы. Мы должны быть бдительными».

Еще неделя прошла. Утром на совещании начальник объявил об операции, но говорил так, что трудно было понять, о ком идет речь. «Важное лицо партии», «руководитель страны»... «Неужели сам товарищ Сталин? – подумал я. – Нам доверили его охранять! Увижу товарища Сталина! Радость-то какая!..»

Стою в секрете. Тогда все учили наизусть – повторяю выученную инструкцию: «При появлении неизвестных лиц с оружием – стрелять немедленно!» Конечно, как же иначе! Кулацкое отродье вокруг шастает! Оно, конечно, может попытаться воспользоваться моментом и напасть, как сказал начальник, на группу ответственных людей.

А вокруг тишина – райская. Утки на озере плещутся, небо без единого облачка, лучи солнца сквозь листву едва пробиваются, птицы беззвучно скользят по прозрачному воздуху. Вот, думаю, повезло же – на самое важное направление, и доверие мне оказано особое. И захотелось мне отличиться! Чтобы именно меня похвалили за операцию! Чтобы сам начальник ГПУ мне руку пожал – он так делает, когда все удачно, когда операция прошла успешно. Последний раз это было летом, когда в Тбилиси замаскировавшихся меньшевиков брали ночью: один работал учителем, другой в музее – простые люди, а на проверку – сподвижники Жордания, ярые враги советской власти.

Ага, вот едут! Натужно режут моторы. Скрытно осматриваюсь, взвожу курок нагана. Вижу, как из автомобилей охрана московская выскочила, на места свои встала. И наш начальник у открытой дверцы замер. Он! Сам товарищ Сталин! Сердце у меня забилося, дыхание зачастило. Впервые в жизни вижу вождя нашего! Он о чем-то говорит с приехавшими, идет к дому, но неожиданно поворачивается и направляется к берегу, наклонился, поплескал рукой в воде, что-то сказал окружавшим. Глаз с него не спускаю – счастье-то какое – сам товарищ Сталин!

Тут-то и началось! Слева шорох – вижу: человек в накинутой бурке и в папаше из ружья бах в воздух – сигнал подал! Я резко повернулся и, не прицеливаясь, дважды стреляю в бурку – я всегда бил без промаха, призы по стрельбе брал. Стрельба, казалось мне, шла со всех сторон. Вжик, вжик... Заметил на пригорке красноармейцев из подразделения ГПУ – они стреляли в мою сторону... Бросаю взгляд на берег – наш начальник, прикрыв собой вождя, скрылся в доме. Выстрелы прекратились.

Я к бурке. Бандит лежит в кустах, уткнувшись лицом в землю, рядом ружье охотничье. Подхожу. Взял ружье, надломил, вынул гильзу – гарью запахло; вторую вынул – заряжена, но легкой она мне показалась, словно без дроби, один порох. Наклонился – что за чертовщина! Да это же активист сельсоветский! На подбородке – шрам, левая рука без двух пальцев...

И тут-то меня обуял страх – кого убил? Ошибся, значит... Но он стрелял! Голова моя кругом пошла... Вы представить себе не можете мое состояние! Страх, растерянность, боязнь ошибки. Вы не убивали никогда? Нет. Вам меня не понять – это первый убитый мной человек! Ноги подкосились, и я опустился на колени... Слышу – кусты трещат, поворачиваю голову – сам товарищ начальник, а я встать не могу, едва-едва поднялся, докладывать начал. Что я лепетал – не помню. Показываю на убитого, говорю, что это активист сель-

советский, опознал я его. А мне начальник говорит: «Классовый враг умело маскируется. Делай выводы. Действовал правильно».

Через четверть часа нас, уцелевших чекистов, выстроили на площадке у дома. Стоим, не дышим. В дверях показался сам товарищ Сталин, за ним – остальные. Подошел к нам, спросил о нападении. Наш начальник доложил, как положено, кивнул в мою сторону: «Арчил Гваришвили. Он первым убил бандита». Товарищ Сталин подошел ко мне, пожал руку. «Молодцы чекисты, – сказал вождь. – Не подвели. А вот московские чекисты растерялись».

И такая меня охватила гордость – сам товарищ Сталин меня благодарил и руку пожал! От счастья хотелось кричать так, чтобы лес закачался!»

4

Сталин, недавно испытывавший страх, увидел в Берия верного и надежного служаку, готового исполнить любое его поручение. Десятилетняя работа Берия в ЧК – ГПУ Азербайджана и Грузии утвердила вождя в том, что Берия будет и впредь служить ему верой и правдой.

В октябре 1931 года на заседании оргбюро ЦК ВКП(б) слушали доклад секретаря Закавказского крайкома Л. И. Картвелишвили. Обстановка на Кавказе была напряженная, население гор и долин не хотело идти в колхозы, лишая себя лошади, буйвола или коровы. То тут, то там вспыхивали волнения. Сталин, как и другие члены оргбюро, слушал, делал пометки, изредка задавал вопросы. В конце заседания Сталин внес неожиданное для многих предложение:

– Для укрепления секретариата Заккрайкома, с учетом усиления контрреволюционных акций, целесообразно укрепить секретариат и сформировать его в составе: первый секретарь Заккрайкома товарищ Картвелишвили, второй секретарь товарищ Берия.

Не все члены оргбюро знали Берия, да и переход начальника ГПУ Грузии на партийную работу вызывал у большинства озабоченность.

– Справится? – засомневались некоторые из членов оргбюро.

– Справится. Я хорошо знаю товарища Берия, – голос Сталина прозвучал уверенно и твердо.

– Я не согласен, – Картвелишвили поднял руку. – Я тоже хорошо знаю Берия и потому категорически отказываюсь с ним работать! Нужен человек с опытом партийной работы.

– Чекистская работа – это тоже партийная работа, товарищ Картвелишвили, – Сталин окинул своим тяжелым взглядом секретаря. – Хорошо. Оставим вопрос открытым и решим его в рабочем порядке.

Тогда еще, на стыке двадцатых – тридцатых годов, генсек позволял себе соглашаться с чужим мнением, мог выслушивать возражения, советовался с секретарями ЦК, членами оргбюро.

Л. И. Картвелишвили дружил с Серго Орджоникидзе, часто ощущал его поддержку. Оба они не терпели выскочку Берия, сумевшего втереться в доверие генерального секретаря. Но в те дни Серго в Москве не было, и Сталин, воспользовавшись этим, через два дня предложил выдвинуть товарища Л. П. Берия на партийную работу, а товарища Картвелишвили перевести из Закавказья в Сибирь. Возражений не было, и оргбюро приняло соответствующее решение.

Орджоникидзе после возвращения в Москву, узнав о внезапном повышении Берия и смещении Картвелишвили, пришел к Сталину.

– Коба, кого ты выдвигаешь? Берия нечистоплотен, карьерист, льстец, мстителен! Не верь, Коба, ему! Не верь!

– Тебе Картвелишвили успел пожаловаться? – спросил Сталин. – Берия не без недостатков, но я ему верю. Верю, понимаешь. Он – хороший чекист, будет хорошим партийным работником.

Серго вышел от генсека взволнованным, долго не мог успокоиться: «Кому Коба поверил – этому проходимцу Берия! Этому авантюристу! Ой-ой! У него замашки палача. Ослеп Коба: не отличает порядочного человека от негодяя».

Не раз Орджоникидзе заходил к Сталину, докладывал о своих поездках на Кавказ, о негодных методах работы Берия в должности секретаря, но Сталин, выслушав Серго, усаживал его в кресло, угощал вином, клал руку на плечо, успокаивая не в меру горячего, взвол-

нованного Орджоникидзе... «Чем тебе мешает Берия? Работает много. Линию ЦК проводит в жизнь активно. Смени гнев на милость – помирись с Лаврентием».

Серго с Берия мириться не хотел. «С кем я должен мириться? С негодяем?» Сталин словно слышал мысли Серго и при встрече с Берия сказал: «Серго на тебя жалуется. Зайди к нему. Уладьте ваши отношения. Может, в чем-то он и не прав – прости его».

Берия обид не прощал.

Утвержденный оргбюро на должность секретаря Закавказского крайкома, Берия фактически стал полновластным хозяином всего Кавказа: он расставлял на ведущие должности верных ему людей, безжалостно расправляясь с несогласными или заподозренными им в чем-либо, высылая их с помощью генсека в другие районы великой страны. Как любой авантюрист и льстец, он всячески восхвалял генсека, высылая ему полные слов преданности и подобоострастия телеграммы об очередных победах на фронте борьбы с контрреволюционерами, с саботажниками колхозного строительства, с двурушниками и националистами.

5

«Вам, писателям, сейчас легко: что задумал, то и исполнил. О чем ни скажешь – никто не придерется, в дверь не постучат. Совсем другое дело у нас – аппаратных работников: мнения своего не выскажи (кому оно нужно?), о сомнениях лучше умолчать, отвечать тогда, когда спросят. Почему я вдруг об аппаратной работе заговорил? Хозяин с конца тридцать первого года стал секретарем крайкома, а я из охраны был переведен в секретариат вторым помощником. Случалось, и в охране бывал, если в Москву или в какой другой большой город Берия выезжал. Тогда на мне вся секретная почта, а ее все больше и больше становилось.

Как-то вызывает к себе секретарь крайкома. Я папку в руки и бегом. Вхожу.

– Садись, Арчил, – говорит. – Как жизнь молодая?

– Нормально. Вот новые документы, – кладу папку на стол. Он папку отодвинул и так пристально на меня смотрит.

– Что же ты, Арчил, ко мне никогда ни с какими просьбами не обращаешься? И живешь ты в коммуналке. А?

– Спасибо, – отвечаю, – просьб у меня никаких нет.

– Ты, Арчил, учебу бросил. Нехорошо. Давай-ка на вечернее отделение снова в университет. Стране нужны грамотные люди, образованные. Ты должен и разбираться в науке, и доклад просмотреть и отредактировать. Я специально приказал все документы тебе показывать. Учись! С ректором я договорился. Завтра на занятия. Понял?

– Так точно, товарищ начальник!

– Не зови меня так.

– Слушаюсь, товарищ секретарь крайкома!

Вышел, иду к себе, не верю ушам своим – учиться снова! Какой внимательный и заботливый Лаврентий Павлович! «Стране нужны грамотные люди, образованные». Буду учиться! Поверьте, я не шел в университет, а летел! Зашел к ректору, а он, как друга, встречает: «Садись, дорогой, мне звонил товарищ Берия. Учитесь! Пока молоды, набирайтесь знаний. Вон какие стройки в стране развернуты!» Руку пожал, сам повел в аудиторию, сам представил меня студентам.

Я любил учиться. Меня с третьего курса взяли в охрану, после первенства города по стрельбе – я второе место занял... Как я соскучился по книгам! Первые вечера сидел на лекциях не шелохнувшись – слушал каждое слово. И писал, и писал все, что слышал... Почти все курсовые экзамены сдавал с первого захода. Спасибо Лаврентию Павловичу – в командировки он меня брал редко, вечерами я был свободен, днем же работал с документами, учился писать справки и докладные записки. Лаврентий Павлович работал много, бывало, что и ночами сидел в крайкоме. Помню, как в начале декабря телеграмма срочная и секретная. Первый помощник заболел, и все бумаги ко мне. Лаврентий Павлович был в Сухуми. Читаю телеграмму, и аж мороз по коже. «В связи со злодейским убийством Кирова Президиум ЦИК вынес постановление от 1.12.1934 г.

1. Следственным органам – вести дела обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком.

2. Судебным органам – не задерживать исполнения приговоров о высшей мере наказания из-за ходатайств преступников данной категории о помиловании, т. к. Президиум ЦИК СССР не считает возможным принимать подобные ходатайства к рассмотрению.

3. Органам Наркомвнудел – приводить в исполнение приговор о высшей мере наказания в отношении преступников названных выше категорий немедленно по вынесению приговоров.

Секретарь ЦИК СССР А. Енукидзе».